

ЕКАТЕРИНА
МОРДВИНЦЕВА

АННА
КНЯЗЕВА

АУДИТ

и прочие шалости

Анна Князева

Аудит и прочие шалости

«Литнет»

2026

Князева А.

Аудит и прочие шалости / А. Князева — «Литнет», 2026

Владелец туристической империи Максим Беркутов привык управлять людьми. Но когда в его офисе появляется аудитор Инга Яковлева, он понимает: эту не купить, не запугать и не обаять. Она считает каждую копейку и разрушает его спокойствие. Их война за чистоту финансов превращается в нечто большее. Аудит — всего лишь предлог для самых рискованных шалостей.

© Князева А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	22
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Пролог

Понедельник, 9:47 утра. Москва. Бизнес-центр «Поклонная плаза», седьмой этаж. Влажная апрельская морось за окном делала город похожим на плохо проявленную фотографию, но внутри офиса сети туристических агентств «Беркут-Тур» царил идеальный порядок и искусственное солнце люминесцентных ламп.

Максим Александрович Беркутов сидел во главе длинного переговорного стола из массива вишни, и его поза выражала ту особую, чуть ленивую властность, которую могут позволить себе только те, кто уже не доказывает свой статус, а просто им пользуется. Сорок три года, поджарый, с лёгкой сединой на висках, которую он принципиально не закрашивал, потому что считал её «платой за ум, а не за возраст». Серый костюм от Brioni, белая рубашка без галстука, расстёгнутая на две пуговицы, и на запястье — старый «Омега», доставшаяся от отца, геолога, который пропал где-то в горах Алтая, когда Максиму было семнадцать. Часы эти он носил как талисман: они никогда не спешили и не отставали, в отличие от большинства людей вокруг.

— Итак, коллеги, — он обвёл взглядом присутствующих. Заместитель по развитию Лена Громова, молодой и агрессивный финансовый директор Костя Турецкий (нет, не родственник того самого, но такая же пробивная хватка), начальник отдела маркетинга весёлый толстяк Семён Пыжов и личная помощница Вероника — тихая мышь, которая на самом деле управляла всем графиком Беркутова железной рукой в бархатной перчатке. — Вы видели цифры за первый квартал? Я — да. И мне они не нравятся.

На экране проектора горел слайд с графиком продаж. Кривая шла вверх, но слишком полого. Максим встал, прошёлся вдоль стола, касаясь пальцами спинки стульев. Все замерли. Он умел создавать тишину, не повышая голоса.

— Прибыль выросла на двенадцать процентов. Рынок вырос на восемнадцать. Значит, мы проседаем. Костя, твоё объяснение?

Турецкий, тощий блондин в очках без оправы, заёрзал:

— Сезонность, Максим Александрович. Февраль короткий, плюс задержки по ряду туров из-за погодных условий в Сочи, мы вынуждены были давать компенсации...

— Компенсации за погоду? — перебил Беркутов. — Слушай, Костя, я не гидрометцентр. У нас контракты с отелями, где указано: форс-мажор — не наша вина. Почему мы платим?

— Потому что конкуренты платят, — влез Семён Пыжов. — Если мы не заплатим, клиенты уйдут к «Горящим турам». Они сейчас агрессивно демпингуют.

— Пусть демпингуют. У них качество ниже плинтуса. Лена, что с запуском направления в ОАЭ?

Лена Громова, женщина лет тридцати пяти с хитрой мальчишеской стрижкой, открыла ноутбук:

— На подписании договора с отелем Atlantis. Но они запросили банковскую гарантию на три миллиона. Я перенаправила запрос в финансовый отдел.

— Три миллиона — ерунда, — отмахнулся Максим. — Костя, выдашь. Дальше. Что по внутреннему контролю?

И тут прозвучал звонок.

Телефон Максима завибрировал на столе. Обычно он не брал трубку на совещаниях, но, взглянув на определитель номера, чуть прищурился. Евгений Анатольевич Морозов, старый приятель из Федеральной налоговой службы. Тот самый Женя, с которым они пили пиво ещё в девяностые, когда Максим торговал путёвками в подвале на Арбате.

— Извините, — бросил он и нажал кнопку ответа. — Женя, привет. Ты по делу или жизнь наладилась?

Голос в трубке был напряжённым. Не пьяный, нет — Морозов никогда не пил по утрам, но какой-то... официальный. Это насторожило.

— Макс, слушай внимательно, времени мало. Я на обеде, говорю из автомата, так что не перебивай. Через две недели к тебе придёт внеплановая выездная проверка. Независимый аудитор от Росфиннадзора, направление из самого верха, я не знаю, кто конкретно заказал, но бумага пришла с пометкой «конфиденциально».

Максим почувствовал, как в груди что-то ёкнуло. Не от страха — он ничего не крал, с налогами было чисто, спасибо жёсткой учётной политике, которую он ввёл пять лет назад после одного неприятного случая с партнёрами. А от неожиданности. Внеплановые проверки бывают у тех, кто шарит по сусекам, а у него прибрано. Или нет?

— Женя, я не понял. Почему внезапно? Кто инициатор?

— Я же сказал — не знаю. Но вот тебе факты: аудитор — женщина. Инга Валерьевна Яковлева. Слышал про неё?

— Нет.

— А зря. Она как терминатор, Макс. За последние три года по её актам проверок закрыли семь компаний. Ни одной ошибки, ни одной взятки не взяла, даже не потому что святая, а потому что... не знаю. Робот, наверное. Бывший начальник отзывался: «Яковлева — это когда тебе нужен труп, а не отчёт». Так что готовься. Всё, мне пора, будь здоров.

— Женя, спасибо. — Но в трубке уже гудели гудки.

Максим медленно убрал телефон в карман пиджака. Овернул к столу. Пять пар глаз смотрели на него с настороженностью, которую не скрыть. Даже Вероника подняла голову от планшета.

— Всё в порядке, — сказал он слишком бодро, и сам понял, что прозвучало фальшиво. — Собрание продолжается. Костя, где отчёт по дебиторке за прошлый месяц? На столе у меня к завтрашнему утру. Лена, ты с ОАЭ — добей контракт до пятницы, иначе я поеду сам и подпишу так, что вы все ахнете. Семён — сделай мне листовки для пенсионеров, со скидкой на летние туры, но не по-дедмански, а с душой. Всё. Свободны.

Сотрудники зашуршали бумагами, застучали ноутбуками. Лена и Семён переглянулись, но промолчали. Турецкий вышел быстрее всех, набирая на ходу кого-то в телефоне. Только Вероника задержалась, закрыв за собой дверь.

— Максим Александрович, вы побледнели. Кофе?

— Двойной эспresso, Вероника. И будь добра, узнай через наши отдел безопасности, кто такая Инга Валерьевна Яковлева. Аудитор.

— Слушаюсь.

Она вышла бесшумно, как мышка, но Максим знал, что уже через полчаса у него будет досье на эту женщину, включая цвет глаз и дату последнего визита к стоматологу. Вероника была именно такой идеальной помощницей: незаметной и вездесущей.

Беркутов подошёл к панорамному окну. Внизу, на Поклонной, застыли в пробках машины. Весенний смог смешивался с первыми листьями тополей, и казалось, что город варится в собственном соку. Он вспомнил, как начинал — с одного ларька на рынке, с путёвок в Крым, которые тогда никто не брал, потому что были девьяностые и все боялись ездить. А он поверил. Потом был Турция, Египет, а сейчас — сеть из трёх десятков офисов по всей стране, собственный колл-центр, даже чартерные рейсы. Он выстроил империю, камешек за камешком. И какая-то аудиторша пришла проверять? Пусть приходит. У него всё чисто.

Он почти сам в это поверил.

— Чёрт, — выдохнул он в стекло. Оттуда же, из стекла, на него смотрело отражение: мужчина с острыми скулами, тёмными глазами, в которых уже не было прежнего блеска авантюриста, но была усталая мудрость волка, который слишком долго обходил капканы. — Ладно, Яковлева. Посмотрим, кто ты.

Он вернулся в своё кресло, открыл ноутбук и начал лихорадочно просматривать финансовые отчёты за последние полгода. И впервые за много лет Беркутов не мог избавиться от ощущения, что где-то в системе завёлся таракан. Маленький, незаметный, но таракан. А тараканы, как известно, приносят проблемы.

Те же две недели, только не в Москве, а в сером здании на окраине. Департамент финансового контроля, что на Профсоюзной. Пятый этаж, кабинет 5.12. Табличка на двери: «Яковлева Инга Валерьевна, главный специалист-ревизор». Никаких виньеток, никаких званий. Просто имя и должность.

Внутри царил аскетизм, достойный монашеской кельи. Белые стены, металлический шкаф для документов, компьютер, стул с прямой спинкой, стол без единой бумажки — потому что всё уже было разложено по папкам, подписано, пронумеровано и лежало в строгом хронологическом порядке. На подоконнике — одно-единственное растение. Кактус. Потому что кактус не требует полива по расписанию, не капризничает и вообще живёт сам по себе, как и хозяйка кабинета.

Инга Валерьевна Яковлева сидела за столом и читала приказ. Бумагу ей принесли двадцать минут назад, но она уже успела изучить её трижды, выделила маркером ключевые пункты (жёлтым — сроки, зелёным — зону ответственности, розовым — особые пометки) и составила план первоочередных действий на трёх листах формата А4.

Ей было тридцать восемь. Выглядела она на сорок два, но это было не от дурного ухода, а от хронического недосыпа и привычки поджимать губы. Губы, кстати, были красивыми — полными, с чётким контуром, но Инга почти никогда не красила их, потому что считала косметiku «необязательной частью делового этикета». Волосы — тёмно-русые, собранные в тугой пучок на затылке, без единой выбившейся пряди. Одежда — тёмно-синий костюм-двойка, блузка с высоким воротом, туфли-лодочки на низком каблуке. Никаких украшений, кроме тонкого обручального кольца на правой руке. Кольцо было с внутренней гравировкой: «Навсегда, 2009». Муж, Владимир, подарил. Но Владимир ушёл три года назад, сказав: «Ты, Инга, замужем за своей работой. Я не выдерживаю быть вторым отчётом». С тех пор кольцо она носила, но теперь уже как напоминание: не доверяй, не влюбляйся, проверяй.

Приказ гласил следующее:

«В соответствии с распоряжением № 04-17/892 от 12 апреля 2026 года, провести внеплановую выездную проверку финансово-хозяйственной деятельности ООО "Беркут-Тур" (ИНН 7723456789) за период с 01.01.2024 по 31.03.2026. Основание: обращение гражданина (конфиденциально). Срок проверки: 21 календарный день с возможностью продления. Ответственный: Яковлева И.В.»

— Обращение гражданина, — прошептала Инга, и в её голосе проскользнула тень иронии. — Всегда «гражданин». Анонимный, заботливый, с подозрениями. — Она вздохнула. — Ну что ж, господин Беркутов, посмотрим, как вы храните свои счета.

Инга открыла базу данных и ввела в поиск: «Беркут-Тур». Результат появился мгновенно. Компания с хорошей репутацией, прозрачная структура, чистые отчёты, умеренные налоговые отчисления. Никаких судебных споров, никаких чёрных меток. Чёрт возьми, даже отзывы клиентов в интернете были в основном положительные. Слишком положительные? Инга нахмурилась. Когда всё слишком гладко — это либо гениальный менеджмент, либо тщательно скрываемая гниль. Третьего не дано.

Она потянулась к папке «Личные дела объектов проверок». В ней лежали досье на директоров и учредителей компаний, которые ей предстояло ревизовать. Максим Александрович Беркутов, 1983 года рождения. Фотография: мужчина с прищуром, лёгкая небритость,

рубашка с расстёгнутым воротом. Смотрит в камеру так, будто оценивает, стоит ли с ней разговаривать. Инга почему-то почувствовала укол раздражения. Такие обычно считают, что аудит — это формальность, что можно помахать нужными бумажками, пожать руку и разойтись. Ну-ну.

Его биография: начинал с ИП, потом создал ООО, расширился, пережил кризис 2008-го, 2014-го, 2020-го. Вдовец. Жена погибла пять лет назад в авиакатастрофе. Это привлекло внимание. Инга задержала взгляд на строчке. Вдовец. Она знала, что такое потеря. Её мать умерла от рака, когда Инге было двадцать два. Но она не позволила себе сочувствовать объекту проверки. Сочувствие — плохой помощник в работе. Эмпатия размягчает фокус, а в аудите нужен скальпель, а не тёплые слова.

— Так, — сказала она себе, выпрямляясь. — План таков. Первый этап: предварительный анализ документов (три дня). Второй: выезд на место, изучение первички, опрос сотрудников (двенадцать дней). Третий: камеральная обработка (шесть дней). При необходимости — запрос дополнительных документов.

Она принялась раскладывать цветные стикеры на краю стола: жёлтые для дебиторки, зелёные для кредиторки, красные для подозрительных контрагентов. Её пальцы двигались быстро, уверенно, как у пианиста, который знает партию наизусть. В этом ритуале было что-то медитативное: порядок рождает порядок, а порядок — контроль.

В дверь постучали. Не дожидаясь ответа, вошла её коллега, Зоя Павловна, пожилая женщина с добрым лицом и вечно встревоженными глазами. Она работала в соседнем кабинете и специализировалась на малом бизнесе.

— Инг, я слышала, тебя посылают на «Беркут-Тур»? — спросила Зоя, присаживаясь на краешек стула (она знала, что на всей поверхности Инги лежать нельзя).

— Да. Приказ только что получила.

— Ох, Инг, будь осторожна. Я слыхала про Беркутова. Мужик он... жёсткий. У него связи в администрации, в силовых. Он может попытаться надавить.

Инга даже бровью не повела:

— Я работаю по закону. Связи — не аргумент. Если компания чиста, проверка не страшна. Если нет — моя задача найти нарушения. Всё просто.

— Просто-то просто, — вздохнула Зоя. — Но ты же помнишь, что случилось с прошлым аудитором, который пошёл на "Гранд-Строй"? Его находили две недели, и то... — она замолчала, подбирая слова. — В общем, береги себя. Возьми с собой кого-нибудь из наших ребят.

— У меня есть диктофон, — сухо ответила Инга. — И знание Уголовного кодекса. Спасибо за заботу, Зоя Павловна, но я справлюсь.

— Упрямая ты, как... в общем, давай. — Зоя поднялась и вышла, покачав головой.

Инга осталась одна. Она взглянула на кактус на подоконнике. За три года, что стоял, он ни разу не зацвёл. Может, не тот климат. Может, просто не судьба.

— Беркутов, — повторила она фамилию вслух, пробуя её на вкус. — Звучит хищно. Посмотрим, кто кого.

Максим Беркутов не был бы собой, если бы после звонка Морозова спокойно сидел сложа руки. Уже на следующий день он собрал внутреннее совещание в узком кругу. В его кабинете, кроме Вероники, присутствовали начальник службы безопасности Лев Матвеевич Кац, бывший опер из уголовного розыска, ныне седой и медлительный снаружи, но быстрый как кобра в деле, и финансовый директор Костя Турецкий, который выглядел так, будто у него вынули позвоночник.

— Итак, Лев Матвеевич, что у нас по Яковлевой? — спросил Максим, развалившись в кресле и крутя в пальцах ручку.

Лев Матвеевич откашлялся, достал из портфеля распечатанное досье и надел очки с толстыми линзами.

— Инга Валерьевна Яковлева, 1988 года рождения, место рождения — город Орск. Окончила Финансовый университет при правительстве РФ, красный диплом. Замужем не была? Неправильно, была. В разводе с 2023 года, детей нет. Проживает в Москве, в однокомнатной квартире на юго-западе. Транспорта нет, передвигается на метро и такси. Хобби — отсутствуют. В свободное время, вероятно, перепроверяет собственные налоговые декларации.

— Шутите? — Максим поднял бровь.

— Нисколько, — серьёзно ответил Кац. — По данным оперативных источников, Яковлева не берёт взяток, не ходит на корпоративы, не появляется в ресторанах. От неё ни разу не было жалоб на превышение полномочий. Зато есть 37 поощрений от министерства за выявленные особо крупные хищения.

— Сухарь, — констатировал Максим. — Но это не страшно. Сухари обычно прогорят, если их растопить.

Костя Турецкий осмелился подать голос:

— Максим Александрович, может, стоит... ну, подготовиться? В смысле, юридически? Есть несколько договоров, которые спорны по срокам, я бы хотел их переделать...

— Какие договоры? — Максим резко выпрямился. — Ты что-то скрываешь, Костя?

— Нет-нет, — замахал руками финансист. — Просто... ну, нестыковки по срокам актов выполненных работ. Мелочи. Я сам всё поправлю.

— Поправь. И чтобы духу не было никаких мелочей. Я не хочу, чтобы эта железная леди копала глубже, чем нужно. Лев Матвеевич, а что по анонимному обращению? Кто мог написать?

Кац пожал плечами:

— Вариантов много. Уволенные сотрудники, конкуренты, бывшие партнёры. Например, ваш экс-партнёр Сергей Прокопенко. Он после разрыва с вами открыл своё агентство и, по слухам, едва сводит концы с концами. Мог из зависти.

— Серёга? — Максим хмыкнул. — Вряд ли. Мы разошлись мирно, он взял свой пакет и ушёл в закат. Хотя... люди меняются. Ладно, это неважно. Важно, чтобы Яковлева не нашла ничего. Разбор документов — на тебе, Костя. Проверка через две недели. Я хочу, чтобы всё блестело, как в операционной.

— Сделаем, — пискнул Турецкий и выскользнул из кабинета.

Максим остался с Кацем и Вероникой. Он задумчиво побарабанил пальцами по столу.

— Знаете, я иногда завидую тем, у кого нет бизнеса. Сидишь, смотришь телевизор, радуешься жизни. А тут — каждая проверка как шахматная партия с неизвестным гроссмейстером. Но я не люблю проигрывать.

— Мы подготовимся, — сказала Вероника. — Я организую для Яковлевой рабочее место в отдельном кабинете, доступ к документам — дозированный, с нашей регистрацией каждого запроса. Если она попытается выйти за рамки — сразу сигнал.

— Действуй. И проследи, чтобы в офисе был приличный кофе. Я хочу, чтобы у неё хотя бы вкусовые рецепторы радовались. Может, смягчится.

Вероника улыбнулась одними глазами:

— Вы верите, что её можно смягчить кофе?

— Я верю, что волка могут застрелить, а могут приручить. Но сначала нужно узнать, с кем имеешь дело. Лев Матвеевич, добудьте мне что-нибудь личное. Не компромат, нет. Человеческое. Что она любит, что ненавидит, чем дышит.

— Это сложнее. Она не оставляет следов в соцсетях. Единственная активность — профессиональные форумы бухгалтеров, и там она обсуждает только методики проверок.

— Вот видите, — Максим развёл руками. — Она либо святой человек, либо... либо очень хороший актёр. В любом случае, ждём. Всё свободны.

Он остался один. В кабинете висела тишина, нарушаемая только шелестом листьев фикуса в углу. Максим закрыл глаза и попытался представить эту женщину. Инга. Имя мягкое, почти воздушное. А фамилия — жёсткая, давящая. Яковлева. Что-то в ней было от старых советских учительниц, которые могут одним взглядом заставить взрослого мужика сесть за парту и выучить таблицу умножения.

— Интересно, ты красивая? — спросил он у пустоты. — Или безликая? Впрочем, какая разница. Главное — не дать тебе испортить мне нервы.

Он открыл глаза, потянулся к телефону и набрал номер дочери. Да, у него была дочь, Ксюша, студентка второго курса, которая училась в Питере и приезжала раз в месяц. Они были не очень близки — смерть жены воздвигла между ними стену, которую Максим так и не смог пробить до конца. Но сегодня он почему-то захотел услышать её голос.

— Пап, привет, — ответила Ксюша после долгих гудков. — У меня лекция через пять минут, что случилось?

— Ничего. Просто... соскучился. Как дела?

— Нормально. Жива, здорова, деньги пришли, спасибо. Ты чего такой грустный? Опять начальство замучило?

— Начальство? Ксюш, я тут сам себе начальство.

— Ну мало ли. Ладно, пап, я побежала. Позвоню вечером, если будет время.

— Давай. — Он отключился и почувствовал привычную горечь. Дочь росла без него, отвыкла от него, и он ничего не мог с этим поделать.

Нужно было возвращаться к делам. Беркутов встал, подошёл к кожаной карте мира на стене и ткнул пальцем в Турцию. Там у него был лучший отель, лучшие цены, лучшие менеджеры. Всё было лучшим. Кроме чего? Кроме чувства, что он бежит по беговой дорожке, не видя финиша.

— Встряска, — сказал он себе. — Мне нужна встряска. Может, эта Яковлева её и устроит. Он не знал, как сильно ошибался.

Апрельское утро субботы. Инга стояла у окна своей однокомнатной квартиры на Дмитровском шоссе. За окном двор-колодец, серые панели, качели, на которых никто не качался. Она сжимала в руке уже выученный наизусть список документов, которые запросит у Беркутова в первый же день.

— Устав, свидетельства, приказы о назначении, все договоры за период, книги покупок и продаж, кассовые книги, авансовые отчёты, выписки банков, первичные документы по всем контрагентам, — бормотала она, словно молитву. — И осмотр помещений, опрос ключевых сотрудников. Всё в соответствии с регламентом.

За спиной тихо мурлыкал чайник. Кофе Инга не пила по утрам — только зелёный чай, без сахара. Её жизнь была такой же пресной и правильной, как этот напиток. Она привыкла. Вернее, убедила себя, что привыкла.

Она села за маленький стол, на котором стоял ноутбук, и открыла файл с фотографией Максима Беркутова. Вгляделась в его лицо. Что-то в нём было... неправильное. Не для аудита. Для другого. Для чего-то, чего она себе не позволяла. Девять лет назад она вышла замуж за Володю, потому что он был надёжным, предсказуемым, как амортизационные отчисления по

линейному методу. Он не любил её так, как она хотела. И она не умела просить. А теперь она одна, и ей не нужен никто, кто нарушит её хрупкий баланс.

— Беркутов — объект проверки, — сказала она твёрдо. — Ничего более.

На журнальном столике лежала книга — «Эмоциональный интеллект в профессиональной деятельности». Инга купила её по рекомендации психолога, к которому её заставила пойти Зоя Павловна после развода. «Вы слишком подавляете чувства, Инга Валерьевна, — сказал тогда психолог, молодой человек с бородкой. — Это приводит к соматике. Спина болит? Голова? Вот видите». Инга отходила на пять сеансов, а потом сказала, что у неё нет времени на исследование собственной души, есть проверки.

Но книгу оставила.

Она открыла её на случайной странице. Там было написано: «Эмпатия не равно слабость. Способность распознавать эмоции других повышает эффективность коммуникаций. Даже в конфликтных ситуациях».

— Ерунда, — Инга захлопнула книгу. — В конфликтных ситуациях нужны факты, а не чувства.

Однако перед глазами всё ещё стояла фотография Беркутова. И его глаза. В них была пустота, которую она хорошо знала. Пустота человека, который потерял кого-то важного. Она узнала эту пустоту, потому что носила такую же внутри.

— Неважно, — она встала, убрала книгу на полку и пошла гладить блузку.

Понедельник, 9:00. Максим Беркутов заехал в офис раньше обычного. Он чувствовал странное возбуждение, как перед боем. Надевал лучший костюм (тёмно-синий, итальянский крой), освежил туалетную воду. Вероника, встретившая его в холле, одобрительно кивнула:

— Выглядите на миллион, Максим Александрович.

— Она уже здесь?

— Нет. По нашим данным, её появление ожидается в 10:00.

— Хорошо. Подготовь кабинет для неё — тот, что с окнами на юг. Пусть там будет кондиционер, вода, всё для работы. И чтобы никто из сотрудников не создавал проблем. Если кто-то начнёт психовать — ко мне.

— Поняла.

Максим прошёл в свой кабинет. На столе лежала папка с выдержками из законодательства об аудите. Он уже изучил их на выходных. Теперь нужно было встретить гостью достойно.

За десять минут до десяти он услышал характерный звук: лифт приехал на седьмой этаж, двери открылись, и по коридору застучали шаги — ровные, без колебаний, с металлическим перестуком каблучков. Не группа, а один человек. Она не взяла с собой помощников. Смело или самонадеянно?

Максим встал из-за стола и подошёл к двери. Открыл её за секунду до того, как она постучала. И увидел Ингу Валерьевну Яковлеву вживую.

Первый шок: она была ниже ростом, чем он ожидал. И худее. Костюм сидел на ней как броня, волосы стянуты в пучок, лицо бледное, без косметики, но глаза... глаза были огромные, серо-зелёные, с прищуром, который мог бы быть красивым, если бы не ледяное выражение. В руках она держала кожаный портфель и папку с документами. Пахло от неё мылом и бумагой.

— Максим Александрович Беркутов? — спросила она. Голос ровный, без интонаций, как автоответчик.

— Собственной персоной, — он улыбнулся самой обаятельной улыбкой, которую смог выдавить. — А вы, полагаю, Инга Валерьевна? Проходите, я вас ждал.

Она вошла, но не пожала протянутую руку мельком — всё же не этикет. Просто кивнула.

— Я по делу. Вот предписание на проверку, — она положила на стол синюю папку. — Срок — 21 рабочий день. Я буду работать в выделенном мне кабинете и запрашивать документы по мере необходимости. Первое: прошу обеспечить доступ к бухгалтерской базе 1С, ко всем первичным документам за указанный период, а также к учредительным документам.

— Всё готово, — Максим указал на дверь. — Ваш кабинет прямо по коридору, вторая дверь направо. Там компьютер, принтер, доступ к сети. Вероника, моя помощница, проводит вас и выдаст пропуск.

— Хорошо. Тогда не смею задерживать. — Она развернулась, но на пороге остановилась. — Один вопрос, Максим Александрович.

— Слушаю.

— У вас есть что скрывать?

Он мог бы обидеться, мог бы выгнать её. Но Беркутов вместо этого усмехнулся:

— У каждого есть что скрывать, Инга Валерьевна. Вопрос в том, относится ли это к финансам. Смею заверить — нет. Приятной работы.

Она посмотрела на него долгим взглядом, в котором читалось: «я сама решу, приятная она или нет», и вышла, плотно закрыв за собой дверь.

Максим облегчённо выдохнул, но внутри заскребло странное чувство. Что-то в этой женщине его зацепило. Не как мужика — хватит, он уже давно перестал смотреть на женщин с прищелом на постель. А как... как противник? Как равный игрок, с которым ему предстоит партия. И он хотел выиграть.

Но сейчас, глядя в окно на серое апрельское небо, он вдруг подумал: «А что, если она выиграет? Что тогда?»

Инга тем временем зашла в отведённый ей кабинет. Огляделась. Удобное кресло, стол, хорошее освещение. На подоконнике даже стоял маленький кактус — Вероника постаралась. Инга улыбнулась краешком губ. Кактус. Её растение. Совпадение?

Она села, открыла ноутбук, вставила флешку с собственными шаблонами для проверки. Её пальцы быстро забегали по клавишам, создавая таблицы, списки, требования. Она была в своей стихии. Здесь не было места чувствам, сомнениям, неловким паузам. Только факты, цифры, даты.

Однако, когда первая строчка запроса была готова, она на секунду замерла. И подумала: «Беркутов говорил уверенно. Но слишком уж уверенно. Либо он ангел, либо очень хороший лжец. Узнаем».

За окном бизнес-центра «Поклонная плаза» начинался обычный рабочий день. Сотрудники «Беркут-Тур» пили кофе, обсуждали планы, отвечали на звонки. Никто, кроме Вероники и Кости Турецкого, не знал, что в кабинете 7.04 сидит женщина, которая может перевернуть их жизнь. Или не перевернуть. Время покажет.

Глава 1

Если бы архитектору, проектировавшему бизнес-центр «Поклонная плаза», сказали, что его детище станет ареной для битвы двух равных по упрямству людей, он бы, наверное, удивился. Но в этом здании было всё, чтобы внушать трепет: мраморные полы с подогревом, пальмы в кадках, запах дорогого кофе и бумаги, а в воздухе — едва уловимая нота стерильности, как в операционной. Именно так пахнет большие деньги, когда их владельцы не любят беспорядка.

Холл седьмого этажа, где размещалась центральная штаб-квартира сети туристических агентств «Беркут-Тур», встречал посетителей панорамными окнами от пола до потолка, откуда открывался вид на Поклонную гору. Мебель — кожаные кресла цвета венге, журнальные столики из стекла, на которых лежали свежие номера деловых журналов и глянцевые проспекты с изображением Мальдив и Таиланда. В углу — кофейная станция с зерновой машиной La Marzocco. Сотрудники в строгих костюмах сновали туда-сюда, но без суеты, как муравьи в идеально отлаженном муравейнике.

Ресепшен возвышался монолитной белой стойкой, за которой сидела девушка с идеальной укладкой и улыбкой, отточенной на курсах ораторского искусства. Алиса, так её звали. Она знала в лицо всех постоянных клиентов и могла различить двадцать оттенков кофе по запаху.

Но сегодня её улыбка чуть поблекла, когда лифт открылся и выпустил из себя фигуру в тёмно-синем костюме.

Алиса — а заодно и все, кто был в холле, — увидели женщину лет тридцати восьми. Невысокую, худощавую, с такой осанкой, будто у неё вместо позвоночника вставлен металлический прут. Волосы — тёмно-русые, стянутые в пучок на затылке, без единой выбившейся пряди. Лицо — без косметики, бледное, с плотно сжатыми губами и глазами, которые можно было бы назвать красивыми, если бы не их выражение. Серо-зелёные, с холодным, оценивающим блеском, они смотрели так, будто видели вас насквозь и уже нашли семь нарушений.

На ней был костюм-двойка из плотной шерсти, без единой складки. Белая блузка с высоким воротом под горло, застёгнутая на все пуговицы, включая верхнюю. Туфли-лодочки на низком каблуке — не потому что она не умела ходить на шпильках, а потому что высокий каблук мешает быстро передвигаться по кабинетам и создаёт лишний шум. Никаких украшений. Ни колец, ни серёжек, ни цепочек. Только на правой руке — тонкое обручальное кольцо, которое она не снимала даже на проверках, потому что оно было частью её «брони»: напоминанием о том, что личное не должно мешать профессиональному.

И папка. О, эта папка заслуживала отдельного описания. Чёрная, кожаная, формата А4, с металлическими уголками и застёжкой-молнией. Инга называла её «рабочим инструментом», коллеги — «трансформером», потому что папка могла раскладываться в небольшой планшет, внутри имела карманы для документов, отделение для флешек и даже встроенный блокнот. Сейчас папка была застёгнута, но Алиса почему-то была уверена, что внутри скрывается нечто более опасное, чем бланки отчётов.

— Здравствуйте, — сказала женщина ледяным, ровным голосом, подходя к стойке. — Я — Яковлева Инга Валерьевна, главный специалист-ревизор Департамента финансового контроля. У меня назначена встреча с Максимом Александровичем Беркутовым.

Алиса на секунду потеряла дар речи. Она ожидала кого угодно — клиента, поставщика, даже налогового инспектора, но тот обычно выглядел менее... устрашающе. Этот голос не терпел возражений, как приговор судьи.

— Д-доброе утро, — выдавила Алиса, щёлкая мышкой. — Да, в десять. Максим Александрович вас ждёт. Я провожу.

Она вышла из-за стойки, поправила юбку и жестом пригласила следовать за ней. Женщина кивнула и пошёл рядом, причём Алиса заметила, что шаги гости были идеально синхронизированы — левая, правая, левая, правая, без единой заминки. Как у солдата на плацу.

По пути к кабинету Беркутова они прошли мимо открытой зоны, где работали менеджеры по туризму. Десять столов, десять компьютеров, растения в горшках, плазма на стене с крутящимися видами пляжей. Но сейчас никто не смотрел на экран. Все смотрели на неё.

Светлана из отдела бронирования прикусила губу и шепнула коллеге Ирине:

— Это кто? Новый финансовый директор?

— Не похожа. Слишком... — Ирина не подобрала слова.

— Слишком смертельно, — закончил за неё Денис, единственный мужчина в отделе, который обычно отпускал шуточки, но сейчас заткнулся.

Инга, не глядя по сторонам, прошла к двери с табличкой «Генеральный директор». Она не постучалась — просто открыла дверь и вошла, оставив Алису с приоткрытым ртом.

Кабинет Максима Беркутова был прямым продолжением его личности — дорого, со вкусом, но с намёком на гиперопеку, как позже подумала Инга. Идеально подобранная мебель из карагача, ковёр ручной работы, на стенах — карты мира и несколько абстрактных полотен, которые она не смогла бы отличить от подделок, но чувствовала, что это настоящие, потому что Беркутов не из тех, кто экономит на деталях.

За его спиной, на отдельной стене, висела огромная фотография: горный пик, утопающий в облаках, а у подножия — маленький силуэт человека с рюкзаком. Наверное, он сам. Или просто символ. Рядом — стеллаж с книгами по бизнесу, биографиями известных предпринимателей и несколькими томиками фантастики.

Но что привлекло внимание Инги в первую очередь — это порядок. Не стерильный, как в больнице, а хозяйский, контролируемый. Каждый предмет лежал на своём месте, стопка документов на столе была выверена под углом в девяносто градусов по отношению к клавиатуре. А на подоконнике — ни одного цветка, зато стоял макет парусника, собранный из тонких деревянных реек. «Моделист, — отметила Инга. — Или кто-то подарил».

Но главное — взгляд хозяина кабинета.

Максим Беркутов сидел в кожаном кресле, закинув ногу на ногу, и смотрел на неё с той смесью любопытства, легкомысленной самоуверенности и привычки нравиться женщинам, которая у некоторых мужчин становится второй натурой. Сорок три года, но выглядел максимум на тридцать восемь. Лёгкая седина на висках, тёмные волосы, уложенные небрежно, но явно с помощью дорогого парикмахера. Рубашка белая, расстёгнутая на две пуговицы, без галстука. Пиджак от Brioni висел на спинке стула, но Беркутов явно только что его снял — воротник рубашки был свежим.

Он встал, когда она вошла. Не торопясь, с достоинством человека, которому не нужно ни перед кем суетиться.

— Инга Валерьевна? — он улыбнулся — широко, обаятельно, но во взгляде мелькнула искра хищника. — А я вас представлял... старше. И строже.

— Мне тридцать восемь, — сухо ответила Инга, не принимая его тон. — А строгость не зависит от возраста, господин Беркутов. Я по делу.

— О, я тоже по делу. — Он обошёл стол и пододвинул ей стул. — Присаживайтесь. Кофе? Чай? Вода с пузырьками? У нас тут не ревизия, а дружеский визит, давайте без формальностей.

Инга села, но не расслабилась — спина прямая, папка на коленях, руки лежат на папке, как оружие наготове. Она не взяла стул, который он пододвинул, а выбрала тот, что стоял дальше, у стены. Максим заметил и усмехнулся про себя.

— Ни кофе, ни чая. Приступим. — Она открыла папку-трансформер, и в несколько движений та превратилась в подобие планшета с файлами. — У меня есть предписание № 04-17/892 от 12 апреля. В соответствии с ним я должна провести выездную проверку вашей компании за период с 1 января 2024 года по 31 марта 2026 года. Прошу ознакомиться.

Она протянула ему синюю папку. Максим взял, не глядя, и положил рядом с клавиатурой.

— Я знаю. Мне уже сообщили. — Он сцепил пальцы в замок и опёрся локтями на стол. — Признаться, я удивлён. Мы всегда сдаём отчёты вовремя, налоги платим в полном объёме, даже иногда досрочно. С чего вдруг внеплановая проверка?

— Это служебная информация, — отрезала Инга. — Основанием может быть обращение гражданина, заявление контрагента или внутренний риск-анализ. В любом случае, вы обязаны предоставить доступ ко всем документам, касающимся финансово-хозяйственной деятельности.

— Все — это все? — Максим поднял бровь. — И даже к тем, которые в личном сейфе, где я храню валенки и старые фотографии?

Инга не улыбнулась.

— Только те документы, которые имеют отношение к деятельности ООО «Беркут-Тур». Личные вещи меня не интересуют.

— Жаль. — Он вздохнул с притворной грустью. — А я уже думал показать вам коллекцию магнитиков из стран, где мы организуем туры. Знаете, есть Китай, Таиланд, даже Антарктида.

— Перейдём к делу, господин Беркутов.

Вот оно. Её фирменное ледяное вежливое отсечение. Дежурная фраза, которую Инга Яковлева отточила за десять лет работы настолько, что она звучала как пощёчина. Не грубая, нет — идеально корректная, но абсолютно непроницаемая. Как стеклянная стена.

Максим на секунду потерял нить. Он привык, что женщины, даже очень серьёзные, оттаивают от его улыбки хотя бы на миллиметр. Торговцы, партнёры, бывшие чиновники — все плавилась. Но эта... эта стояла как айсберг в арматурном каркасе.

«Хорошо, — подумал он. — Будем играть в твою игру».

— Хорошо, — сказал вслух. — Переходим. Что именно вам нужно?

Инга уже достала из папки список, напечатанный на плотной бумаге, с нумерованными пунктами и пустыми строками для подписей.

— Вот список первичных документов, которые я хочу получить в первую очередь. — Она протянула лист. — Уставные документы, свидетельства о регистрации, приказы о назначении генерального директора и главного бухгалтера, учётная политика, все договоры с поставщиками и покупателями, книги покупок и продаж, кассовые книги, авансовые отчёты, выписки банков, акты сверок, счета-фактуры, товарные накладные, акты выполненных работ, все приходно-расходные ордера, все зарплатные ведомости...

Она перечисляла монотонно, как автоматический диктор, но Максим заметил, что она ни разу не сбилась, не заглянула в бумажку — просто знала всё наизусть.

— ...договоры с турагентами, рекламные бюджеты, документы по командировкам, а также доступ в 1С и к серверу с электронным документооборотом. — Она сделала паузу. — Это на первый день. По мере проверки список может расширяться.

Максим взял список, пробежал глазами.

— Вы серьёзно? Это же тонны бумаги. У меня два бухгалтера, они только и будут, что вам копировать.

— Я не требую копий на первом этапе. Достаточно оригиналов для просмотра. Копии я сделаю сама или с помощью ваших сотрудников в моём присутствии. — Инга выдержала паузу. — А ещё мне потребуется отдельный кабинет с закрывающейся дверью, доступом к сети и принтеру.

— Уже есть. Вероника подготовила. — Он кивнул в сторону окна. — Вторая дверь направо. Там вам будет удобно.

— Хорошо. — Инга закрыла папку. — Тогда прошу подписать вот это.

Она достала ещё один лист — официальное уведомление о начале проверки с подписью руководителя организации. Максим молча взял ручку, поставил дату и размашистую подпись с завитушками. Инга проследила, чтобы подпись была разборчивой. Ей нравились такие люди: без лишних препирательств. Но в этом легком согласии было что-то подозрительное. Когда начальник слишком быстро идёт навстречу, значит, либо ему нечего скрывать, либо он очень хороший актёр.

— Вам нужна будет помощь Вероники? — спросил Максим, возвращая ей бланк. — Она у меня универсальный солдат.

— Пока нет. Я работаю одна. В крайнем случае запрошу помощь.

— Одна?! — он изобразил удивление. — За двадцать один день вы одна вывезете всю нашу бухгалтерию? Инга Валерьевна, вы Герой Труда?

— Нет, просто профессионал. — Она поднялась, подхватывая папку. — Я приступаю к работе прямо сейчас. Прошу обеспечить мой пропуск и пароль к сети.

— Сделаем. — Максим тоже встал, неожиданно легко для своего возраста и комплекции. — Но знаете, Инга Валерьевна, есть один маленький нюанс.

Она замерла, готовая услышать отговорку.

— Какой?

— Я хотел бы, чтобы вы задерживались не допоздна. Охрана уходит в восемь, и если вы останетесь после, мне придётся либо сидеть с вами, либо оставлять вас на ночь. А я ещё не готов к таким близким отношениям с ревизией.

Он улыбнулся. Опять эта улыбка — с лёгкой самоиронией и флиртом на грани дозволенного.

Инга посмотрела на него так, будто он предложил ей сплясать лезгинку.

— Ваша забота трогательна, господин Беркутов, но излишня. Я работаю до семи, если не раньше. Давайте сосредоточимся на деле.

Она кивнула и вышла, не оборачиваясь. Дверь закрылась с тихим, но решительным щелчком.

Максим стоял у окна, глядя, как серая фигура пересекает холл. В её походке была такая жёсткая целеустремлённость, что ему захотелось поаплодировать. Или выругаться.

«Вот так встреча, — подумал он. — Я ожидал тётку в пенсне с заплатками на локтях, а пришла... змея в костюме от Zara? Впрочем, какая разница. Главное — не дать ей найти того, чего нет».

Он вернулся за стол, взял телефон и набрал Веронику.

— Вероника, ты видела нашу гостью?

— Да, Максим Александрович. Она уже в кабинете. Раскладывает свои папки. И я заметила, что у неё диктофон в кармане пиджака. Работает.

— Конечно, работает. Такие, как она, даже в туалет ходят с диктофоном. Ладно, организуй ей доступ. Но поставь условие: все запросы документов — через тебя. Я не хочу, чтобы она шастала по офису и пугала сотрудников.

— Поняла. А что по поводу кофе? Предлагать?

— Предлагай. Но навряд ли она согласится. У неё лицо человека, который пьёт исключительно кипячёную воду комнатной температуры.

— Смеётесь?

— Нет, наблюдаю.

Он отключился и откинулся в кресле. В кабинете повисла тишина, нарушаемая только тиканьем напольных часов в углу. Часы были старыми, механическими, и Максим их обожал за этот монотонный, успокаивающий звук. Но сегодня даже часы не помогали.

Он прокрутил в голове разговор. Ничего инкриминирующего, ничего подозрительного. Он был вежлив, открыт, доброжелателен. Она — холодна, точна, без эмоций. Но в её глазах, в том, как она смотрела на его улыбку, было что-то... неправильное. Не страх, не презрение, а настороженность зверька, который знает, что волк может цапнуть, но готов укусить в ответ.

«Ладно, Яковлева, — сказал он себе. — Ты пришла проверять мои книги. Проверь. Только не думай, что я буду сидеть и смотреть, как ты перерываешь всё вверх дном».

Он открыл ноутбук и написал длинное письмо юристам: «перепроверить все контракты за последние два года, особенно те, где участвовали компании-однодневки. Если найдутся сомнительные — срочно легализовать или списать». Потом набрал Косте Турецкому:

— Костя, зайти.

Финансовый директор прибежал через минуту, запыхавшийся, с нервным тиком под глазом.

— Вы звали?

— Да. Ты видел аудиторшу?

— Видел. Она в 7.04. Вероника дала ей пароль.

— Так вот. До конца дня сделай сверку всех накладных с "ООО Ромашка" за прошлый год. Помнишь, была та партия сувенирной продукции? У меня есть сомнения, правильно ли мы оформили НДС.

— Но мы уже проверяли, — начал Костя, — там всё чисто...

— Перепроверь. Мне не нужны штрафы. И вот ещё: договоры с турагентами — те, где бонусы и премии. Я хочу, чтобы они выглядели как обычная маркетинговая практика, а не вывод денег. Понял?

— Понял, — выдохнул Турецкий.

— Иди.

Костя выскользнул, а Максим снова повернулся к окну. За стеклом апрельское солнце боролось с тучами, и на Поклонной горе уже зажглись первые фонари. Через пару часов стемнеет, а эта женщина всё ещё будет сидеть в своём кабинете и перебирать его бумаги.

Мысль была неприятной. Не потому что он что-то скрывал — в конце концов, если покопаться, в любой компании найдутся мелкие огрехи. А потому что чужой, неконтролируемый человек вторгся в его пространство. А Максим Беркутов не любил, когда кто-то хозяйничал на его территории. Волк — он и есть волк.

Инга Яковлева сидела за столом, который Вероника оборудовала всем необходимым: ноутбук с доступом к сети, папки на полках, даже канцелярские принадлежности. На подоконнике обнаружился кактус — маленький, колючий, похожий на неё саму. Инга мысленно усмехнулась: «А юмор у них есть».

Она разложила свои инструменты. Диктофон — на столе, включён. Блокнот с отрывными листами — справа. Ручки трёх цветов — чёрная для пометок, красная для ошибок, синяя для ссылок на нормативные акты. Флешка с шаблонами отчётов — в USB-порте ноутбука. Её личный список задач — на полях папки-трансформера.

Теперь следовало действовать по плану.

Она открыла 1С, ввела пароль (Вероника дала временный, с доступом только к чтению). Всё работало. Навигация была быстрой, база — структурированной. «Хорошо, — отметила Инга. — Хотя бы это у них налажено».

Первые полчаса она просто просматривала отчёты, выгружая ключевые показатели в свой шаблон Excel: выручку, себестоимость, прибыль, налоговые отчисления. Цифры выглядели здоровыми, почти образцовыми. Никаких резких скачков, никаких аномалий. Но идеальная гладкость часто бывает признаком того, что данные подчищали.

«Посмотрим глубже», — сказала она себе и запросила у Вероники первую партию первичных документов — договоры с контрагентами за первый квартал прошлого года.

Вероника принесла договоры через десять минут. Три папки, каждая пронумерована и скреплена печатью. Инга поблагодарила (не глядя на помощницу) и принялась читать.

Первый договор — с отелем в Анталье. Всё чисто: сроки, суммы, подписи. Второй — с транспортной компанией. Третий — с рекламным агентством. Четвёртый — с ООО «Сувенир-Сервис». Вот этот привлёк внимание. Сумма была крупной — почти два миллиона рублей — за поставку брендированных кружек, ручек и магнитов. Инга углубилась в акты выполненных работ. Даты совпадали, количества — вроде бы тоже. Но почему-то в накладной было указано «доставка по Москве», хотя юридический адрес «Сувенир-Сервиса» был в Рязани. Мелочь, но Инга научилась не пропускать мелочи.

Она сделала пометку красной ручкой: «Проверить реальность доставки. Возможно, самовывоз». И пошла дальше.

Ближе к обеду дверь кабинета открылась, и на пороге появился Беркутов. С кружкой в руке и тарелкой с печеньем.

— Инга Валерьевна, вы не обедали? — спросил он с той же интонацией, с какой приглашают на чай старую знакомую.

Инга подняла голову. Ей хотелось сказать «вы что, не видите, я работаю?», но вежливость требовала ответа.

— Я приношу обед с собой. Он лежит в холодильнике на первом этаже.

— Так принесли бы! — он поставил кружку и тарелку на край стола. — Это кофе с корицей и овсяное печенье собственного производства. Наша повариха печёт. Не отравит.

Инга взглянула на кофе. Пахло вкусно — она не могла этого отрицать. Но пить что-то, предложенное объектом проверки, было нарушением внутреннего кодекса. Вдруг подсыплет что? Хотя вряд ли такой, как Беркутов, станет отравлять аудитора. Слишком глупо даже для него.

— Спасибо, но я следую правилу не принимать от объектов проверки ничего, кроме документов.

— Даже печенье? — он притворно обиделся. — Это дискриминация кондитеров.

— В особенности печенье. — Инга вернулась к договорам.

Максим не уходил. Он опёрся плечом о косяк и сложил руки на груди. Его поза была расслабленной, но глаза внимательно следили за её руками, за папками, за тем, какие документы она откладывает.

— И как, нашли что-то интересное? — спросил он.

— Если найду, сообщу вам в установленном порядке.

— Вы всегда такая... закрытая? Или это я чем-то не угодил?

Инга вздохнула. Ей хотелось сказать: «Вы угодили тем, что существуете и мешаете работать». Но она была профессионалом.

— Господин Беркутов, давайте договоримся сразу. Я здесь для проверки. Вы — для обеспечения доступа. Нам не обязательно дружить, флиртовать или обсуждать погоду. Просто дайте мне документы, и я сделаю свою работу. Хорошо?

Максим посмотрел на неё долгим взглядом. В его глазах мелькнула тень уважения.

— Договорились. — Он выпрямился и взял кружку обратно. — Но знаете что, Инга Валерьевна? Я всё равно буду приносить вам кофе. Через день. Просто чтобы вы знали, что тут есть и человеческое отношение. — Он подмигнул и вышел, оставив дверь открытой.

Инга, не глядя, потянулась и закрыла дверь. Нажала на диктофоне паузу, стёрла запись последних тридцати секунд. Флирт проверяемого — это не часть проверки, и она не обязана это фиксировать.

Но внутри что-то ёкнуло. Ерунда, наверное, просто усталость.

Следующие два часа Инга провела в бухгалтерии. Это было вынужденно: ей понадобились оригиналы кассовых книг, которые не были отсканированы.

Бухгалтерия «Беркут-Тур» размещалась в смежном помещении с главным бухгалтером Ольгой Павловной, женщиной предпенсионного возраста с внешностью доброй феи и характером сторожевой собаки. Рядом с ней трудились две молодые сотрудницы: Катя и Алёна.

Когда Инга вошла, атмосфера мгновенно изменилась. Разговоры смолкли, чашки с чаем были спрятаны в столы, а Ольга Павловна поджала губы так, будто увидела мышь.

— Здравствуйте, — сказала Инга ровно. — Я — Яковлева, аудитор. Мне нужны кассовые книги за 2025 год, оригиналы.

Ольга Павловна молча достала ключ и открыла металлический шкаф. Дрожащими руками извлекла три толстых тома в синих обложках.

— Пожалуйста, — процедила она.

Инга взяла книги, села за свободный стол и начала сверять записи. Рядом тихо переругивались Катя и Алёна.

— Слышала, она семь компаний закрыла, — шепнула Алёна.

— Тише, она услышит, — ответила Катя.

— Всё равно она глухая, как танк. Только цифры слышит.

Инга делала вид, что не замечает. Но краем уха улавливала. «Пусть боятся, — думала она. — Боятся — хорошо. Значит, будут точнее».

Она проверила три кассовых книги за час. Нашла одно несоответствие: в одной из записей сумма покупки канцтоваров была указана прописью с ошибкой, а цифрами — правильно. Мелочь, но Инга зафиксировала. Потом спросила у Ольги Павловны про авансовые отчёты.

— У нас их много, — сказала та. — Вы хотите все?

— Все за 2025-й.

Ольга Павловна побледнела. Потому что в авансовых отчетах часто бывают косяки — например, чеки без печатей или нерасшифрованные суммы. Но она ничего не сказала, просто принесла два подшитых тома.

Инга улыбнулась про себя. Улыбнулась впервые за день, и это было нерадостное, профессиональное удовлетворение охотника, взявшего след.

К концу рабочего дня Инга разобрала половину договоров и три кассовые книги. Она устала, голова гудела, но чувствовала удовлетворение. Работа шла.

Когда она вышла в холл, чтобы спуститься вниз, её догнала Вероника.

— Инга Валерьевна, минуточку.

— Слушаю.

— Вы завтра будете в обычное время?

— Да. В девять.

— Тогда пропуск уже готов. — Вероника протянула пластиковую карту на шнурке. — И ещё... Максим Александрович просил передать, что если вам что-нибудь понадобится — хоть документы, хоть лишний стул или, — она замялась, — лишний разговор, он всегда доступен.

— Передайте господину Беркутову, что мне нужны только документы. И стул у меня есть.

Вероника кивнула с непроницаемым лицом и удалилась. Инга надела пальто, взяла свою папку-трансформер и направилась к лифту.

Перед выходом из здания она обернулась. Холл был почти пуст, только охранник смотрел в мониторы. «Беркут-Тур» затихал до завтрашнего утра. А где-то наверху, в кабинете с видом на Поклонную, сидел волк и, наверное, тоже думал о ней.

«Не думай, — приказала себе Инга. — Ты — аудитор. Он — объект. Ничего личного».

Она вышла на улицу, где моросил холодный апрельский дождь. Весна в этом году была неласковой. Как и люди.

В своём кабинете Максим Беркутов смотрел на монитор камеры наблюдения. Он мог видеть всё помещение, в том числе и дверь кабинета 7.04. Он видел, как Инга вышла, как Вероника догнала её, как она взяла пропуск и ушла.

«Инга, — повторил он про себя. — Имя красивое. А характер... как мой любимый джип на бездорожье: жёсткий, надёжный, но если тряхануть — может и заглохнуть».

Он выключил монитор и допил остывший кофе. Потом набрал номер дочери. На этот раз Ксюша ответила сразу.

— Пап, у тебя всё нормально? Ты дважды за день звонишь.

— Всё хорошо, Ксюш. Как учёба?

— Нормально. Пап, ты какой-то напряжённый. У тебя проблемы на работе?

— Да нет, — он усмехнулся. — Пришла дама. Проверяет нас. Аудитор. Наверное, хочет найти что-то, чего нет.

— Ой, эти проверки вечно. Ты не переживай. Если всё чисто, чего бояться?

— Я и не боюсь. Просто... она странная. Слишком правильная. И очень красивая, между прочим.

Ксюша на другом конце провода хихикнула:

— Ага, точно. Она красивая, а ты уже влюбился?

— Я? В аудиторшу? — Максим фыркнул. — Ксюша, ты бредишь. Мы с ней враги. Она проверяет, я — обороняюсь. Всё по правилам.

— Конечно-конечно, пап. Ладно, мне пора. Звони, если что. И не флиртуй с ней слишком сильно — она же может и штраф выписать за неподобающее поведение.

— Штраф за флирт? — Максим усмехнулся. — Дочка, ты меня пугаешь.

— Только предупреждаю. Всё, целую.

— Целую.

Он отключился и задумался. Советы дочери были, конечно, дурацкими, но в них была доля правды. Инга Яковлева — не та женщина, с которой можно шутить. Она как гранитная глыба: ни ударить, ни обойти. Но почему-то ему хотелось попробовать разбить этот гранит. Нет, не ради постели. Ради... азарта. Давно у него не было достойного противника.

Он встал, подошёл к карте мира и ткнул пальцем в Турцию. Завтра новый день. И новая битва.

А где-то в другом конце Москвы, Инга Яковлева ехала в метро, прижимая к груди папку-трансформер. В вагоне было душно, пахло потом и дешёвой парфюмерией. Она закрыла глаза и вдруг почувствовала, как внутри поднимается что-то, похожее на... сожаление? «Сожалеть не о чем, — сказала она себе. — Ты на правильном пути».

Но образ Максима Беркутова, его улыбка, его настойчивость — всё это врезалось в память. Особенно его глаза. В них была такая же тоска, как у неё.

«Неважно», — она открыла глаза. Вагон подъезжал к её станции.

Домой она вернулась, сварила гречку, села за ноутбук и до полуночи вносила данные в свою таблицу. Перед сном посмотрела на фотографию Беркутова — ту, что распечатала из досье.

— Завтра начнём углублённую проверку, — сказала она кактусу. — Надеюсь, ты не подведёшь, господин Беркутов. Потому что если подведёшь — я тебя закопаю.

Кактус промолчал. Но Инга представила, что он одобрительно кивнул.

Она выключила свет и легла спать. Сны ей снились странные: будто она идёт по бесконечному коридору, а вокруг летают бумаги с цифрами, и где-то далеко слышен смех — громкий, уверенный, мужской.

Смех Максима Беркутова.

Она проснулась в пять утра и больше не уснула.

Глава 2

Инга Яковлева не спала нормально уже три года, но сегодняшнее утро оказалось особенно тяжёлым. Проснулась в пять, как обычно, но вместо того чтобы сделать зарядку и выпить зелёный чай, она ещё полчаса лежала с открытыми глазами, глядя в потолок. На потолке была трещина, похожая на молнию, — Инга собиралась вызвать мастера, но всё не было времени. Теперь она разглядывала эту трещину и думала о Беркутове.

О его улыбке. О его глазах, в которых читалась насмешливая уверенность человека, привыкшего получать то, что хочет. О том, как он подмигнул ей вчера, выходя из её временного кабинета. «Я всё равно буду приносить вам кофе», — сказал он. Как будто они не ревизор и проверяемый, а двое коллег, которые могут позволить себе лёгкий флирт.

— Идиот, — сказала Инга вслух, обращаясь к потолку. — Наивный, самоуверенный идиот.

Она встала, умылась ледяной водой, оделась в идентичный вчерашнему костюм (у неё было три одинаковых — для экономии времени на размышления о гардеробе). Волосы снова в пучок, никакой косметики, только гигиеническая помада, чтобы губы не трескались. В зеркале на неё смотрела женщина с серым лицом и холодными глазами. Хорошо. Враг не должен видеть ничего другого.

Перед выходом Инга переложил папку-трансформер: вчерашние пометки, чистые бланки, диктофон, запасные батарейки, флешки, копия списка запрашиваемых документов. Проверила, включён ли в телефоне беззвучный режим. Всё.

В метро, как всегда, было душно. Инга ехала стоя, прижимая папку к груди, и листала в планшете отсканированные вчера выписки. Цифры плясали перед глазами, но она уже выделила три зоны потенциального риска: договоры с рекламными агентами (завышенные цены), авансовые отчёты (размытые формулировки) и бонусы турагентам (нестандартная схема начисления). Сегодня она планировала нырнуть в каждую из этих зон с головой.

Мысль о Беркутове она отгоняла профессиональным рефлексом: «объект проверки» — и точка. Но где-то в подкорке засело: а что, если он действительно что-то скрывает? Что, если его уверенность — не невинность, а маскировка? В таких случаях Инга любила вспоминать своё правило: «Невинные не нанимают адвокатов до проверки». Беркутов адвокатов не нанимал, но его финансовый директор Костя Турецкий был похож на загнанного кролика. Это настораживало.

Она вышла из метро, прошла через турникеты бизнес-центра, поднялась на седьмой этаж. В холле уже было оживлённо: менеджеры пили кофе, обсуждали вчерашний сериал, кто-то смеялся. Но при виде Инги смех смолк. Её провожали взглядами, как опасного хищника, зашедшего на чужую территорию.

Инга не обратила внимания. Она прошла в кабинет 7.04, закрыла дверь, включила диктофон, разложила документы.

— Второй день проверки ООО «Беркут-Тур», — сказала она в диктофон ровным голосом. — Планирую углублённый анализ договоров с турагентами и расходов на рекламно-сувенирную продукцию. Начало работы: 9:05.

Она открыла 1С и запросила у Вероники расшифровку счёта 44 «Расходы на продажу» за первый квартал 2025 года. Вероника ответила через пять минут: файл в Excel, пять тысяч строк. Инга выдохнула и начала фильтровать.

К десяти утра Инга уже сидела в бухгалтерии, запросив оригиналы документов по сувенирной продукции. Вчерашняя пометка о накладной «Сувенир-Сервиса» не давала ей покоя. Она попросила Ольгу Павловну достать все накладные за тот период — с января по март 2025 года.

Ольга Павловна зашуршала папками. Вид у неё был такой, будто она готовилась к собственной казни.

— Вот, — сказала она, кладя на стол три папки. — Здесь поставки от «Сувенир-Сервис» и ещё двух компаний. Но мы давно работаем с ними, всё легально.

— Я проверю, — спокойно ответила Инга и начала перебирать листы.

Первая накладная: кружки с логотипом «Беркут-Тур» — 500 штук по 250 рублей. Итого 125 000 рублей. Вторая: ручки — 1000 штук по 30 рублей. Итого 30 000. Третья: магниты — 2000 штук по 15 рублей. Итого 30 000. Всё выглядело нормально, пока Инга не заметила четвёртую накладную: «Наборы сувенирной продукции премиум-класса» — 50 штук по 15 000 рублей за набор. Итого 750 000 рублей.

Она перечитала трижды. 15 000 рублей за набор? Что входило в этот набор? В накладной было указано просто: «премиум-набор: кожаный ежедневник, ручка с позолотой, брелок, шарф с логотипом». Но никакой спецификации, никаких подтверждений, что эти наборы действительно были произведены и переданы.

— Ольга Павловна, — позвала Инга. — Что это за премиум-наборы?

Главбух подошла, взглянула на накладную и побледнела ещё сильнее.

— Это... это для наших VIP-клиентов. Максим Александрович решил делать дорогие подарки. Менеджеры отдавали.

— Где акты приёма-передачи этих наборов? Где подтверждение, что клиенты их получили? Или хотя бы приходная накладная со склада?

— Я... я не знаю. Это всё было в декабре, в предновогодней суете. Возможно, документы утеряны.

— Утеряны? — Инга подняла бровь. — Вы ведёте архив? По закону вы обязаны хранить документы пять лет.

Ольга Павловна схватила за сердце. Инга вздохнула — не от жалости, а от досады. Она ненавидела, когда люди использовали здоровье как отговорку.

— Ладно, — сказала она. — Я сделаю запрос на имя генерального директора. Пусть он предоставит объяснения.

Она вернулась в свой кабинет и составила официальное уведомление. Сухо, по факту: выявлена нестыковка в накладных, отсутствуют документы, подтверждающие реальность хозяйственной операции на сумму 750 000 рублей. Прошу предоставить письменные пояснения в течение двух рабочих дней.

Уведомление она отправила через Веронику, приложив копию накладной. А сама принялась за следующую зону — бонусы турагентам.

Система бонусов для турагентов в «Беркут-Тур» была стандартной для рынка: агент получал 8% от стоимости проданного тура, если объём продаж за месяц превышал определённый порог. Но, изучая реестры начислений, Инга заметила странность: у одного и того же агента в одни месяцы бонус составлял 8%, в другие — 12%, а в третьи — вообще 5%. Без видимых причин.

Она открыла договоры с агентами. В каждом было чётко прописано: «Вознаграждение агента составляет 8% от цены тура. В случае превышения плана может быть увеличен до 10% по решению руководителя». Нигде не было 12% и 5%.

— Интересно, — пробормотала Инга и начала сверять суммы бонусов с актами выполненных работ.

Всплыла ещё одна деталь: в марте 2025 года один из крупных агентов, ООО «Вояж плюс», получил бонус 12% на сумму 480 000 рублей, хотя его план продаж был выполнен всего на 90%. То есть не только не превышен, но даже не достигнут.

«Вояж плюс» оказался фирмой, зарегистрированной в той же области, что и «Беркут-Тур», но с единственным учредителем — гражданином Сергеем Прокопенко. Инга нахмурилась. Прокопенко? Где-то она уже видела эту фамилию. Она залезла в общее досье по компании и нашла: Сергей Прокопенко — бывший партнёр Беркутова, вышел из бизнеса два года назад. Теперь открыл своё агентство. И получает от бывшего партнёра завышенные бонусы.

«Золотая жила», — подумала Инга. — «Но это может быть и обычным конфликтом интересов, а может — выводом денег».

Она зафиксировала ещё одну нестыковку и снова отправила уведомление Беркутову. Теперь о необходимости пояснений по расчётам с агентом «Вояж плюс».

Вероника принесла обед — не тот, что Инга оставила в холодильнике, а горячий, из ресторана этажом ниже. Рис с овощами и кусок рыбы. Пахло аппетитно.

— Максим Александрович просил передать, что вы должны питаться нормально, — сказала Вероника с непроницаемым лицом. — Голодный аудитор — злой аудитор.

— Передайте Максиму Александровичу, что аудитор всегда злой. Это профессиональное. — Инга взяла контейнер, но есть не стала, отодвинула в сторону. — Спасибо. Скажите, он сейчас на месте?

— Да. У него совещание с маркетологами, но через час освободится.

— Хорошо. Я приду к нему с пояснениями.

Вероника ушла, а Инга заставила себя съесть половину порции. Рыба была превосходной — вот что значит бизнес-центр класса А. Но она почти не чувствовала вкуса. Её мозг перерабатывал цифры, искал связи, выстраивал гипотезы. 750 000 рублей на неподтверждённые сувениры. 480 000 завышенных бонусов «Вояж плюс». Это только начало. Если копнуть глубже, могут всплыть более крупные суммы.

Она взглянула на часы — 12:45. Самое время для разговора.

Максим Беркутов сидел за столом, просматривая слайды от Семёна Пыжова по летней рекламной кампании. Когда в дверь постучали — три коротких, сухих стука, — он уже знал, кто это. Только одна женщина в этом здании стучала так, будто проверяла прочность двери ударом костяшек.

— Войдите, — сказал он, откладывая бумаги.

Инга вошла, держа папку перед собой как щит. Сегодня она была такой же, как вчера: идеальный пучок, безупречный костюм, отсутствие косметики. Но в глазах появился новый блеск — азарт охотника, взявшего след.

— Здравствуйте, Максим Александрович, — сказала она ровно.

Он невольно улыбнулся. «Максим Александрович» — вчера она называла его «господин Беркутов», сухо и официально. Сегодня — по имени-отчеству. Это было почти интимно. Но он быстро понял, что интимностью здесь и не пахнет. Это был приём, чтобы установить контроль.

— Здравствуйте, Инга Валерьевна. Чем обязаны? Нашли уже что-то, что заставит меня провести ночь в офисе?

— Возможно. — Она села на тот же стул, что и вчера, дальний, и открыла папку. — У меня есть два вопроса по первичным документам. Первое — по сувенирной продукции на сумму 750 000 рублей. Второе — по бонусам турагенту «Вояж плюс» на сумму 480 000 рублей.

Максим внутренне напрягся, но лицо не дрогнуло.

— Поясните, — сказал он, сцепив пальцы.

— Пожалуйста. — Она достала копию накладной. — Декабрь 2025 года, ваша компания приобрела у ООО «Сувенир-Сервис» 50 премиум-наборов по цене 15 000 рублей за штуку. Общая сумма — 750 000. Документов, подтверждающих, что эти наборы были оприходованы, переданы клиентам или хотя бы хранились на складе, нет. В актах нет ссылок на эти наборы. По сути, это повисшая дебиторка, списанная на расходы. Вы что-то знаете об этом?

Максим взял накладную, повертел в руках. Он не помнил конкретно эти наборы — в его компании сотни накладных в месяц. Но три четверти миллиона на сувениры? Это выглядело странно даже для него.

— Я не контролирую каждую закупку сувениров, — сказал он, возвращая бумагу. — Это в компетенции отдела маркетинга и моего зама по администрированию. Но я проверю. Наверняка это обычная предновогодняя закупка подарков для партнёров.

— Обычная закупка без подтверждения? — переспросила Инга. — Максим Александрович, любой бизнесмен знает: если ты потратил деньги, у тебя есть подтверждение. Или вы работаете без первички?

В её голосе не было яда. Только лёд. И это было страшнее.

— Второй вопрос, — продолжила она, не давая ему ответить. — Бонусы агенту «Вояж плюс». В договоре с ними прописано вознаграждение 8%, с возможным увеличением до 10% при перевыполнении плана. Однако в марте 2025 года вы заплатили 12% при невыполнении плана на 10%. Объясните.

Максим почувствовал, как в груди разливается раздражение — глухое, горячее, незнакомое. Он привык, что его спрашивают, он отвечает, все довольны. А тут не «объясните, пожалуйста», а требовательное «объясните», как в прокуратуре.

— У нас индивидуальный подход к каждому агенту, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал мягко. — «Вояж плюс» — давний партнёр. Возможно, в том месяце были дополнительные условия: продвижение сложных направлений или что-то ещё. Я не вникаю в каждую выплату бонуса — это работа финансового отдела.

— То есть вы подписываете платёжки, не проверяя? — уточнила Инга.

— Я проверяю итоговые суммы по месяцам, а не каждую копейку. У меня тридцать офисов и двести сотрудников, Инга Валерьевна. Если я начну перепроверять каждую мелочь, мы разоримся на зарплатах контролёрам.

— Но если вы не проверяете мелочи, — Инга чуть наклонилась вперёд, — то как вы узнаете, что эти «мелочи» не складываются в крупное мошенничество?

Максим замер. Она произнесла это совершенно спокойно, без намёка на угрозу. И это было хуже любой угрозы. Он впервые почувствовал себя школьником, которого вызвали к доске, а он не выучил урок.

— Вы считаете, что это мошенничество? — спросил он, стараясь не повышать голос. — 750 тысяч на сувениры и 480 на бонусы? Это капля в море нашего оборота, Яковлева. Мелочи.

Он сорвался на фамилию. Это была ошибка — так он показывал, что она его задела.

Инга медленно выпрямилась. Её лицо осталось непроницаемым, но в глазах промелькнуло нечто похожее на удовлетворение.

— Мелочи? — переспросила она. — Максим Александрович, позвольте вас просветить. В моей практике были дела, которые начинали с мелочей. Сто тысяч рублей на канцтовары, которых никто не видел. Триста тысяч на оплату услуг фиктивной фирмы. Мелочи прикрывают крупное мошенничество. Мелочи — это индикаторы системной проблемы. Если человек

крадёт миллион, он сначала потренируется на ста тысячах. Поэтому не бывает мелочей. Бывает бухгалтерия, где все цифры должны сходиться до копейки. Если не сходятся — я нахожу причину. И я найду.

Она посмотрела на него в упор и добавила, выделив каждое слово:

— Из мелочей складывается крупное мошенничество, Максим Александрович.

Он вздрогнул. Не от страха — от неожиданности. Она назвала его по имени-отчеству, и это имя-отчество прозвучало как пощёчина. Не как уважение, а как приговор. «Максим Александрович» — ты в моей власти. «Максим Александрович» — ты не уйдёшь от ответа.

Он откинулся в кресле, сцепив руки за головой. Обычно эта поза успокаивала, помогала думать. Сейчас не помогала.

— Хорошо, — сказал он после паузы. — Что вы предлагаете?

— Я предлагаю вам, как руководителю, предоставить письменные пояснения по обеим операциям. И обеспечить доступ к документам, подтверждающим реальность сделок. Если таких документов нет, мы будем вынуждены квалифицировать это как нарушение, что повлечёт доначисление налогов и, возможно, штрафы.

— Возможно? — усмехнулся он. — Вы всегда такая оптимистка?

— Я реалистка. — Она встала. — Пояснения жду в пятницу, до конца дня. Всего хорошего, Максим Александрович.

Она вышла, не обернувшись. Дверь закрылась с тем же решительным щелчком.

Максим остался один. Он выключил компьютер, отодвинул бумаги. В кабинете висела тишина, нарушаемая только тиканьем напольных часов.

«Из мелочей складывается крупное мошенничество», — крутилась в голове её фраза.

Он знал, что это правда. В его бизнесе были эпизоды, когда менеджеры пытались «накручивать» отчёты, и он их увольнял. Но сейчас ему казалось, что система работает. До сегодняшнего дня.

Он набрал Костю Турецкого:

— Костя, зайди. Срочно.

Турецкий прибежал через минуту, чуть не споткнувшись о порог. Он выглядел так, будто не спал неделю.

— Что случилось, Максим Александрович?

— Что случилось? — Беркутов встал и прошёлся по кабинету. — Аудиторша нашла ваши косяки, вот что случилось. 750 тысяч на сувениры без подтверждения. И бонусы «Вояж плюс» по 12% вместо 8. Ты объяснишь мне, что это?

Костя побледнел до состояния мела.

— Я... я могу объяснить. По сувенирам — это действительно подарки для партнёров. Я знаю, что подтверждений нет, но это обычная практика, мы не всегда составляем акты на разовые подарки. А по «Вояж плюс»... это была инициатива отдела продаж, они хотели поощрить агента за выход на новый рынок.

— Какой новый рынок? — Максим остановился напротив него. — «Вояж плюс» работает по стандартной сетке. И у них не было перевыполнения плана. Ты сам проверял эти цифры?

— Я... я полагался на отчёты отдела продаж.

— Полагался?! — Максим повысил голос, но тут же взял себя в руки. — Костя, я тебя нанял, чтобы ты контролировал финансы. А не чтобы «полагаться». Завтра же ты предоставляешь мне полную раскладку по всем бонусам «Вояж плюс» за последние два года. И по сувенирам — собираешь все доказательства, что эти наборы реально существовали. Понял?

— Понял, — прошептал Костя и выскочил из кабинета.

Максим снова сел в кресло. Он посмотрел на фотографию горного пика на стене и подумал: «Ты думал, что покорил вершину, а тут какая-то тётка в костюме показывает, что у тебя в рюкзаке дыра». Он усмехнулся.

Но внутри заскребли кошки. Не потому, что он боялся аудита. А потому, что эта женщина — Инга — видела его насквозь. И ей было всё равно, кто он и сколько у него офисов. Она пришла за цифрами. И цифры, похоже, начинали петь.

В компании «Беркут-Тур» не было курилки — Максим запретил курение в здании ещё пять лет назад. Но был «место для переговоров» — уличная лавочка у служебного входа. Там обычно собирались менеджеры, чтобы обсудить начальство.

В этот раз в обед у лавочки собрались Светлана из бронирования, Ирина из продаж и Денис, который отвечал за корпоративные туры.

— Видели эту Яковлеву? — спросил Денис, затягиваясь электронной сигаретой. — Она сегодня в бухгалтерии сидела, Ольга Павловна чуть инфаркт не получила.

— Она всегда такая ледяная? — спросила Ирина.

— Говорят, она из Департамента финансового контроля, — шепнула Светлана. — Моя подруга работает в компании, которую эта Яковлева проверяла в прошлом году. Они после её проверки три месяца вылизывали отчёты.

— А сама она? — поинтересовалась Ирина. — Замужем? Дети?

— Да какая разница? — отмахнулся Денис. — Главное, чтобы она не нашла у нас ничего.

— А что у нас можно найти? — с вызовом спросила Светлана. — Мы работаем честно.

— Честно, — усмехнулся Денис. — А премии, которые Максим иногда выписывает «своим»? А эти её «мелочи»?

— Тише, — сказала Ирина, оглядываясь. — Идите вы. Она аудитор, а не полиция нравов.

Они замолчали. Но каждый думал об одном: проверка только началась, и она обещает быть нервной.

Инга закончила рабочий день в восемь вечера. Она перебрала ещё три папки с договорами, составила список запросов на завтра и внесла в свою таблицу новые нестыковки. Теперь у неё было пять пунктов, требующих пояснений: сувениры, бонусы, и ещё три — по накладным, где не совпадали суммы с НДС.

Когда она выходила из здания, моросил дождь. Она накинула капюшон и пошла к метро. В голове шумело от цифр, но где-то на периферии мелькало лицо Беркутова. Его реакция на фразу «из мелочей складывается крупное мошенничество». Сначала он хотел отмахнуться, сказать «мелочи», но потом осекся. Ей показалось, что на секунду его самоуверенность дала трещину.

«Хорошо, — подумала Инга. — Он понял, что я не куплюсь ни на улыбку, ни на угрозы. Теперь посмотрим, что он предпримет. Либо начнёт сотрудничать, либо начнёт давить. Если давить — значит, есть что скрывать».

В метро, в вагоне, она достала телефон и посмотрела фотографию Максима Беркутова. В свете экрана его лицо казалось ещё более волевым — и в то же время уставшим. Под глазами были тени — она не заметила их при дневном свете. «Ты, наверное, тоже не спишь по ночам, — подумала она. — Но я не для того, чтобы тебя жалеть».

Она убрала телефон и закрыла глаза. До дома оставалось шесть станций.

Максим задержался в офисе до девяти. Он просмотрел все документы по «Сувенир-Сервису», которые смог найти, но актов приёма-передачи премиум-наборов не было. Совсем. Как сквозь землю провалились.

Он вызвал начальника отдела маркетинга Семёна Пыжова. Тот, обычно весёлый и говорливый, на этот раз был тише воды ниже травы.

— Семён, что за наборы на 750 тысяч? — спросил Максим, глядя ему в глаза.

— Максим Александрович, это была инициатива отдела продаж. Они сказали, что для VIP-клиентов нужны дорогие подарки. Я подписал заявку. Я не знаю, почему нет документов.

— Ты не знаешь? — Максим повысил голос. — Ты — начальник отдела маркетинга. Ты отвечаешь за все рекламные и сувенирные расходы. А ты говоришь «не знаю»?

— Я... я могу попросить у отдела продаж фотографии этих наборов, может, у них остались?

— Фотографии? — Максим в ярости швырнул ручку на стол. — Семён, ты меня удивляешь. Ладно, иди. Завтра же предоставишь всю информацию по этой поставке: кто заказывал, кому отдавали, кто подписывал накладные. Если к вечеру не будет — ты уволишься сам.

Семён выскочил, и Максим остался один. Он подошёл к окну. Москва светилась огнями, и где-то там, в панельной многоэтажке на юго-западе, сидела сейчас Инга Яковлева и, наверное, тоже смотрела на огни.

Ему вдруг захотелось позвонить ей. Не для того, чтобы угрожать или просить — а чтобы спросить: «Вы верите, что можно ошибиться по невнимательности? Что я не ворую, а просто недосмотрел?»

Но он не позвонил. Вместо этого он написал сообщение Косте: «Утро вечера мудренее. Завтра в 8:00 будь в офисе, разберём всё по косточкам».

Потом он взял ключи, спустился на парковку, сел в свой чёрный «Мерседес». Завёл двигатель и поехал домой. В доме его ждала тишина. Он включил телевизор для фона, открыл холодильник, но есть не хотелось. Он взял виски, налил половину стакана и выпил залпом.

— Что ты делаешь, Беркутов? — спросил он у своего отражения в тёмном окне. — Ты позволил какой-то бабе загнать себя в угол?

Отражение молчало. Но в его глазах читался ответ: «Ты сам себя загнал. И если она права, ты будешь отвечать».

Он лёг спать, но долго ворочался. В голове крутились цифры: 750 000, 480 000, 12%, 8%, «мелочи». И её голос: «Из мелочей складывается крупное мошенничество, Максим Александрович».

— Инга, — прошептал он в темноту. — Ты или спасёшь меня, или уничтожишь. Третьего не дано.

Он не знал, почему сказал «спасёшь». Но слово пришло само.

В своей однокомнатной квартире Инга сидела за столом и пила зелёный чай. Кактус на подоконнике был полит — впервые за две недели. Она смотрела на его колючки и думала о Беркутове.

Она видела его реакцию: сначала он хотел отмахнуться, сказать «мелочи», но потом что-то щёлкнуло. Он понял, что с ней этот номер не пройдёт. И это было важно. В её практике было много директоров, которые до последнего отрицали очевидное, пока не получали акт проверки с десятками страниц нарушений. Беркутов, кажется, умнее. Или хитрее.

— Завтра будет второй раунд, — сказала она кактусу. — Посмотрим, на что он пойдёт.

Кактус молчал. Но Инге показалось, что он одобрительно покивал. Или это просто ветер шевелил занавеску.

Она легла спать. Сны снова были о Беркутове — о том, как он стоит на краю обрыва, а она считает его шаги. И никак не может досчитать.

Глава 3

Максим Беркутов проснулся в среду утром с чётким пониманием: тактика «доброжелательного нейтралитета» провалилась. Инга Яковлева не просто копалась в документах — она рыла тоннель, как заправский сапёр, и уже нашла два подозрительных участка. Её холодное «из мелочей складывается крупное мошенничество» звучало в ушах до сих пор, вызывая смесь раздражения и странного уважения.

Он лежал в постели, смотрел в потолок и перебирал варианты. Давить? Бесполезно — она не из пугливых. Подкупить? Самоубийство, да и не похоже, что эта женщина берёт взятки. Игнорировать? Ещё хуже — тогда она раскопает всё, что можно, и даже то, что нельзя.

Оставалось одно: попытаться установить человеческий контакт. Не служебный, не формальный, а самый обычный, живой. Поговорить с ней не как аудитор с объектом проверки, а как мужчина с женщиной. Не для того, чтобы соблазнить — хотя кто знает, — а чтобы понять, что у неё внутри. Что делает её такой непробиваемой? И есть ли там хоть что-то живое?

— Вероника, — сказал он в телефон, даже не взглянув на время (было 7:30, но Вероника уже точно на ногах). — У меня к тебе странная просьба.

— Слушаю, Максим Александрович, — голос помощницы был бодрым, как всегда.

— Где в городе лучший ресторан, чтобы произвести впечатление на женщину, которая ненавидит впечатления?

На том конце провода повисла пауза. Вероника переваривала.

— Вы хотите пригласить на ужин Ингу Валерьевну? — уточнила она с лёгким недоверием.

— Хочу. Не смотри на меня так. Я не собираюсь её помогать. Я хочу поговорить. В неформальной обстановке. Может, она станет мягче.

— Максим Александрович, простите, но я должна сказать: она не станет мягче. Она — гранит. Но если вы решили... тогда «Прованс» на Патриках. Там тихо, дорого, но без пафоса. И кухня отличная.

— «Прованс»? Это где средиземноморская?

— Да. И там есть отдельный кабинет. Забронировать на завтра?

— На сегодня. В восемь вечера.

— Сделаю. Но, Максим Александрович... — Вероника запнулась. — Будьте осторожны. Она может прийти с диктофоном.

— Я ничего противозаконного говорить не собираюсь, — усмехнулся он. — Ладно, работаем.

Он встал, принял душ, надел тёмно-синий костюм (на этот раз с галстуком — для солидности) и поехал в офис. По дороге прокручивал в голове сценарии разговора. «Инга Валерьевна, я понимаю, что у вас работа, но давайте отвлечёмся на час. Я просто хочу показать, что мы не враги». Или: «Вы мне кажетесь человеком, который ценит честность. Давайте поговорим честно — вне стен кабинета». Или: «Мне кажется, вы слишком напряжены. Один ужин не нарушит служебной этики».

Всё звучало фальшиво. Но другого плана не было.

Инга сидела в своём кабинете 7.04 и просматривала авансовые отчёты за прошлый год. Она нашла ещё три сомнительных чека без печатей — на общую сумму около 200 000 рублей. Мелочи, как сказал бы Беркутов, но Инга уже приписала их к списку вопросов.

В дверь постучали. Она не ответила, но дверь всё равно открылась. На пороге стоял Беркутов. Сегодня он был особенно тщательно причёсан, в галстук и с улыбкой, которая показалась Инге чересчур лучезарной.

— Инга Валерьевна, — начал он, присаживаясь на краешек стула без приглашения, — я тут подумал... мы с вами уже два дня общаемся исключительно в формате «вопрос-ответ». Это утомляет. Предлагаю сегодня вечером поужинать. В ресторане. Не как аудитор и проверяемый, а как два взрослых человека, которые могут просто поговорить.

Инга подняла голову от документов. Её взгляд был ледяным.

— Господин Беркутов, — сказала она, — служебная этика запрещает мне принимать приглашения от объектов проверки вне рамок официальных мероприятий. Спасибо, но нет.

— Давайте вне служебной этики, — не сдавался он. — Я не предлагаю ничего противозаконного. Просто ужин. В «Провансе» на Патриках. Там очень вкусное рататуй.

— Я не ем рататуй. — Она вернулась к документам. — Если у вас есть вопросы по проверке, мы можем обсудить их в рабочее время. В моём кабинете или в вашем.

Максим вздохнул. Он ожидал отказа, но не такого сухого.

— Инга Валерьевна, я не прошу вас подписать фиктивный акт. Я приглашаю вас на ужин. Это называется человеческое общение. Вы помните, что это такое?

Она снова подняла взгляд. В её глазах промелькнуло что-то похожее на боль, но тут же исчезло.

— Я помню. Но сейчас не время. У меня работа.

— У меня тоже работа. И моя работа — наладить с вами конструктивный диалог. А конструктивный диалог вне офиса часто бывает продуктивнее, чем внутри. — Он встал. — Ладно, не буду настаивать. Но предложение остаётся в силе. Если передумаете — я в кабинете.

Он вышел. Инга проводила его взглядом, потом покачала головой и вернулась к документам. Но в голове засело: «Прованс», рататуй, «человеческое общение». Она не была в ресторане уже... она даже не помнила, когда. В прошлой жизни, до развода, до того, как она стала роботом в юбке.

— Не отвлекайся, — сказала она себе и нажала на диктофоне паузу, чтобы стереть запись разговора. Посторонние переговоры к делу не относятся.

Вероника заметила, что Максим вернулся в кабинет мрачнее тучи. Он сел в кресло, откинулся и закрыл глаза.

— Она отказалась, — сказал он, не глядя на помощницу. — Сослалась на служебную этику.

— Я же говорила, — тихо ответила Вероника, но в её голосе проскользнула едва заметная усмешка.

— Чему ты радуешься?

— Ничему. Просто... — она запнулась, потом всё же выпалила: — Максим Александрович, вас впервые отшили. По-настоящему. Без вариантов. Это стоит записать в историю компании.

Он открыл глаза и посмотрел на неё с недовольным удивлением.

— Ты смеёшься надо мной?

— Ни в коем случае. — Но Вероника не смогла сдержать улыбку. — Просто я работаю у вас шесть лет и видела, как вы очаровывали клиентов, партнёров, чиновников, даже судей. А тут — женщина, которая не купилась даже на «Прованс». Это... освежает.

— Освежает, говоришь? — Максим невольно усмехнулся. — Ладно, чёрт с ней. Но я не сдаюсь.

— Что вы задумали?

— Не знаю ещё. Но я привык добиваться своего. И сейчас моё «своё» — это не её тело, а её доверие. Если я не узнаю, о чём она думает, она докопается до чего-нибудь, чего нет, и подставит меня под штрафы.

— Может, ей просто нечего скрывать, и она делает свою работу? — предположила Вероника.

— Работа не делает человека роботом. Она сама выбрала быть роботом. Вопрос — почему.

Вероника пожала плечами.

— Если хотите, я передам ей приглашение ещё раз. Но уже от себя. Скажу, что это часть программы ознакомления с корпоративной культурой.

— А это сработает?

— А вы теряете?

Максим задумался. В словах Вероники был резон. Инга отказала ему, но, может быть, согласится на предложение от помощницы? Это звучало менее... угрожающе.

— Давай, — кивнул он. — Только без пошлостей.

Вероника кивнула и вышла. А через пятнадцать минут вернулась с победным видом.

— Она согласилась, — сказала она. — Но с двумя условиями.

— Какими?

— Первое: она придёт со своим юристом. Для протокола.

— С юристом? — Максим присвистнул. — Она что, боится, что я её похищу?

— Не знаю. Второе: ужин не должен длиться дольше двух часов. И она будет записывать разговор на диктофон.

Максим расхохотался. Впервые за эти дни — искренне, громко, с привкусом безумия.

— Юрист, диктофон, хронометраж — это же целый аудит ужина! — Он вытер глаза. — Ладно, пусть приходит с кем хочет. Я всё равно ничего криминального делать не собираюсь. Забронируй кабинет на четверых. И предупреди ресторан, чтобы не было свечей и розовых лепестков — а то её юрист вызовет полицию.

— Сделаю, — Вероника вышла, но на пороге обернулась. — Максим Александрович, вы уверены, что это хорошая идея?

— Нет. Но других идей у меня всё равно нет.

Инга сидела в своём кабинете и смотрела на телефон. Она только что согласилась на ужин. С объектом проверки. В ресторане. Добровольно. Вероника сказала, что это «ознакомительная встреча для улучшения взаимопонимания». Какая чушь.

Она взяла телефон и набрала номер своего юриста — Андрея Викторовича, пожилого человека с седой бородкой, который специализировался на налоговых спорах и был единственным, кому Инга доверяла.

— Андрей Викторович, — сказала она, — у меня к вам странная просьба. Сегодня в восемь вечера вы должны пойти со мной на ужин.

— На ужин? — голос юриста был сонным (он всегда дремал после обеда). — Инга Валерьевна, вы меня разыгрываете?

— Ничуть. Генеральный директор «Беркут-Тур» пригласил меня для конструктивного диалога вне офиса. Я не могу отказаться наотрез — это повлияет на отношения, — но и идти одна не хочу. Вы будете моим свидетелем и юристом. Зафиксируете всё, что может иметь юридическое значение.

— А что может иметь юридическое значение на ужине?

— Всё. От предложения взятки до попытки давления. Беркутов — хитрый лис, я ему не верю.

Андрей Викторович вздохнул.

— Хорошо. Во сколько встречаемся? И где?

— В «Провансе» на Патриках. В восемь. Приходите в костюме, мы должны выглядеть официально.

— Я всегда выгляжу официально, — обиделся юрист. — Ладно, буду.

Инга положила трубку и достала свой единственный вечерний наряд — чёрное платье, купленное три года назад на корпоратив, который она ненавидела. Платье было строгим: длинной до колена, с длинными рукавами, без выреза. «Не для соблазнения, а для приличия», — так Инга его называла.

Она посмотрела на себя в зеркало. Серое лицо, тёмные круги под глазами, пучок. Она распустила волосы — те упали на плечи жидкими прядями. Выглядело не лучше.

— Зачем ты согласилась? — спросила она у своего отражения. — Зачем?

Отражение не ответило. Оно просто смотрело на неё усталыми глазами.

Потому что, если честно, ей хотелось. Хотелось один вечер побыть не аудитором, а женщиной. Хотя бы понарошку.

Ресторан «Прованс» на Патриарших прудах оказался именно таким, как описывала Вероника: дорого, но без крикливости. Белые скатерти, живые цветы в маленьких вазах, приглушённый свет, тихая джазовая музыка. Отдельный кабинет на втором этаже был оформлен в лавандовых тонах — видимо, намёк на Прованс.

Максим приехал за пятнадцать минут до назначенного времени. Он заказал бутылку красного вина (хорошего, но не выпендрёжного) и бутылку минеральной воды. Потом сел в кресло и начал ждать.

Ровно в восемь дверь открылась, и вошла Инга.

Она была в чёрном платье, и это было настолько неожиданно, что Максим на секунду потерял дар речи. Платье было скромным, но оно подчёркивало тонкую талию и бледную шею. Волосы, распущенные, падали на плечи, делая её лицо мягче. Но взгляд остался прежним — холодным, настороженным.

За её спиной маячил мужчина лет шестидесяти с бородкой, в строгом костюме, с папкой в руках. Юрист. Точно по договорённости.

— Добрый вечер, Максим Александрович, — сказала Инга, садясь напротив него. — Это Андрей Викторович, мой юрист. Он будет присутствовать на ужине для соблюдения юридической чистоты.

— Очень приятно, — Максим кивнул юристу и пододвинул меню дамам, но Инга его отодвинула.

— Я уже изучила меню онлайн, — сказала она. — Я буду салат из морепродуктов и зелёный чай.

— Зелёный чай? — Максим поднял бровь. — В ресторане в восемь вечера?

— Я не пью алкоголь во время работы. А ужин — это продолжение работы.

— Как скажете. — Он сделал заказ официанту. — Тогда мне — стейк из мраморной говядины и бокал вина. Андрей Викторович?

— Спасибо, минеральная вода, — сухо ответил юрист, раскрывая папку.

Максим подавил вздох. Ужин превращался в заседание арбитражного суда.

Первые десять минут прошли в молчании. Официант принёс закуски, вино, воду. Инга аккуратно нарезала салат, жуя так тихо, что не было слышно. Максим пил вино и пытался придумать, с чего начать.

— Инга Валерьевна, — наконец сказал он, нарушая тишину, — я пригласил вас не для того, чтобы спорить о накладных. Я хотел бы узнать вас как человека. Потому что, когда я смотрю на вас в офисе, я вижу только... должность. А вы ведь не только должность, верно?

Инга подняла голову. В её взгляде мелькнуло удивление — она явно ожидала другого начала.

— Все мы не только должность, — осторожно ответила она. — Но наша работа — это большая часть нас.

— Спорно. Я вот, например, не только владелец туристической компании. Я ещё и отец, и путешественник, и, между прочим, неплохой кулинар.

— Вы? Кулинар? — Андрей Викторович не удержался от улыбки. — Простите, не удержался.

— Да, я умею готовить пасту, — с достоинством ответил Максим. — А вы, Инга Валерьевна, что любите помимо работы?

Инга отложила вилку. Она чувствовала, что это ловушка. Если она ответит «ничего», это будет выглядеть жалко. Если что-то скажет — даст ему козырь.

— Я читаю, — сказала она наконец. — Профессиональную литературу.

— Профессиональную? То есть налоговый кодекс на ночь?

— В том числе. — Она сделала глоток чая. — А ещё я не люблю презентации с пафосом. Это вас интересует?

Максим усмехнулся.

— Очень интересует. А почему вы их не любите?

— Потому что в хорошей презентации главное — содержание. А пафос — это попытка скрыть отсутствие содержания. — Она посмотрела на него с лёгким вызовом. — Ваши менеджеры, кстати, этим грешат.

— Замечу, — кивнул Максим. — А ещё что вы не любите?

— Неуважение к субординации. — Она бросила взгляд на Андрея Викторовича, но тот делал вид, что изучает меню. — Когда проверяемый пытается перейти на «ты» или флиртовать.

— Понял, принял, — Максим поднял руки в жесте капитуляции. — Больше не буду.

— Спасибо.

Повисла пауза. Максим решил, что пора переходить к более личным вопросам, но осторожно.

— А ваша семья? — спросил он как бы невзначай. — Родители, муж, дети?

Инга замерла. Её лицо стало ещё более непроницаемым, если такое возможно.

— Моя мать умерла. Отец живёт в Орске, мы редко общаемся. Я разведена. Детей нет.

— Извините, — тихо сказал Максим. — Я не хотел...

— Ничего. Это факты. — Она снова взяла вилку. — А вы, я знаю, вдовец. Ваша дочь учится в Питере. Мы оба не обязаны обсуждать личное.

Максим почувствовал укол. Она не просто знала факты — она его изучила. Как подозреваемого.

— Ладно, — сказал он, допивая вино. — Тогда к делу. Вы нашли что-то ещё, кроме этих двух нестыковок?

— Да. Три авансовых отчёта с чеками без печатей. — Она, не глядя, достала из своей сумки (да, даже на ужин она взяла ту самую папку-трансформер) листок. — Вот список. Общая сумма — двести три тысячи восемьсот рублей.

Максим взглянул на список. У него засосало под ложечкой.

— И что вы предлагаете?

— Предлагаю вам провести внутреннее расследование и предоставить мне объяснения. Если выяснится, что это мошенничество сотрудников, вам стоит обратиться в полицию. Если ошибка — исправить отчёты.

— Вы всегда такая... основательная?

— Это моя работа.

— Я понимаю. — Он отодвинул тарелку. — Но, знаете, Инга Валерьевна, у меня есть подозрение, что вы не только работаете. Вы живёте с этим чувством, что все вокруг хотят вас обмануть. Я прав?

Инга посмотрела на него долгим взглядом. В её серо-зелёных глазах промелькнуло что-то уязвимое, почти детское, но она быстро взяла себя в руки.

— Я живу с пониманием, что обман случается часто. И что моя задача — его выявить. Это не цинизм, это реальность.

— Но не все же врут.

— Достаточно многих. — Она отодвинула пустую тарелку. — Андрей Викторович, вы записываете?

— Да, Инга Валерьевна, — невозмутимо ответил юрист. — Беседа носит конструктивный характер.

Максим невольно улыбнулся. Юрист напоминал ему секретаршу из старых советских фильмов: всё фиксирует, но делает вид, что его здесь нет.

Через час напряжение немного спало. Максим заказал десерт (тарт-татен с яблоками), Инга отказалась, но позволила себе ещё чашку зелёного чая. Андрей Викторович тихо пил минералку и листал свои записи.

— А правда, что вы живёте с кошкой? — вдруг спросил Максим, вспомнив детали из досье.

Инга нахмурилась:

— Откуда вы знаете?

— Вероника навела справки. Извините, это стандартная практика, когда к нам приходит проверка. Мы должны знать, с кем имеем дело.

— Кошки — это дополнение к досье? — в её голосе проскользнула ирония.

— В вашем случае — да. — Он улыбнулся. — Как её зовут?

— Молли. — Инга нехотя ответила. — Она старая и капризная.

— Как вы, — вырвалось у Максима, и он тут же прикусил язык.

Но Инга не обиделась. Наоборот, её губы чуть тронула полуулыбка — первый признак жизни за весь вечер.

— Возможно, — сказала она. — Но Молли хотя бы не проверяет мои документы.

Затем, словно испугавшись своей уязвимости, она резко сменила тему:

— А вы, Максим Александрович, почему до сих пор не женились? Вдовец с бизнесом — завидная партия.

Он не ожидал такого удара в ответ.

— Не нашёл ту, с которой бы не боялся открывать общий счёт, — ответил он честно. — Знаете, когда у тебя бизнес на миллионы, многие смотрят не на тебя, а на твой баланс. А я хочу, чтобы на меня смотрели.

— Сочувствую, — сухо сказала Инга, но в её голосе не было насмешки. — Трудно, когда деньги закрывают человека.

— Вы это понимаете? — он посмотрел на неё с интересом.

— Я аудитор. Я каждый день вижу деньги, которые закрывают не только людей, но и преступления. Так что да, понимаю.

Андрей Викторович кашлянул, напоминая о своём присутствии, но никто не обратил внимания.

Ровно через два часа после начала ужина Инга взглянула на часы и встала.

— Время вышло, — сказала она, застёгивая сумку. — Спасибо за ужин, Максим Александрович. Я подумаю над вашими словами, а вы подумайте над моими вопросами по документам.

— Подождите, — он тоже встал. — Давайте хотя бы завершим десерт.

— Я не ем десертов. — Она взяла со стола салфетку, что-то на ней написала и положила перед Максимом. — Вот расчёт стоимости ужина с НДС. Ваша доля — шесть тысяч четыреста двадцать рублей. Моя — три тысячи двести десять. Андрей Викторович ничего не заказывал, поэтому не платит.

Он взял салфетку и прочитал:

«Салат из морепродуктов — 1200 руб.

Зелёный чай — 350 руб.

Итого: 1550 руб. + НДС 20% = 1860 руб.

Стейк — 3500 руб.

Вино (бокал) — 1200 руб.

Тарт-татен — 800 руб.

Итого Максим А.: 5500 руб. + НДС 20% = 6600 руб.

Итого Инга В.: 1860 руб.

Вычтем долю Инги из общего счёта (официант принесёт его вам). Ваш долг перед рестораном — 6600 руб.»

— Вы серьёзно? — он поднял бровь. — Вы считаете НДС на салфетке?

— Я аудитор. Я считаю НДС везде. — Она кивнула Андрею Викторовичу, и тот поднялся. — Всего хорошего, Максим Александрович. Завтра жду вас с пояснениями.

Она вышла, не обернувшись. Андрей Викторович задержался на секунду и сказал тихо:

— Она хороший специалист. И хороший человек. Просто... не показывайте ей слабости.

— И вышел.

Максим остался один. Он смотрел на салфетку с расчётом и не мог поверить своим глазам. Женщина, которая только что говорила о кошке и презентациях, ушла, оставив ему счёт с НДС. Это было одновременно абсурдно и... восхитительно.

Он позвал официанта, расплатился за всё (включая салат Инги, несмотря на записку) и вышел на улицу. Свежий апрельский воздух ударил в лицо. Он сел в машину и долго сидел, глядя на фары проезжающих автомобилей.

— Инга Яковлева, — сказал он вслух. — Ты или гений, или сумасшедшая. Или и то, и другое.

И он понял, что его интерес к ней перестал быть чисто профессиональным. Потому что впервые за долгое время он встретил женщину, которая не пыталась ему понравиться. Которая не ждала от него денег или власти. Которая просто делала свою работу — и делала её чёртовски хорошо.

«Юмор уже граничит с интересом», — подумал он, вспоминая фразу из плана. И улыбнулся.

Инга вернулась домой почти в одиннадцать. Молли, рыжая старая кошка, спала на диване и даже не пошевелилась, когда хозяйка вошла. Инга разулась, переделась в домашний халат, села за стол и открыла ноутбук.

Она начала было вносить новые замечания по отчётам, но мысли путались. Перед глазами стоял Беркутов — его улыбка, его вопрос о кошке, его растерянное лицо, когда она вручила ему салфетку с расчётом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.